

Снег шумно хрустел по ногам, будто с каждым шагом под подошвами наших ботинок лопались всё новые и новые шарики пупырчатой плёнки. И, как по мне, умирали доблестные воздушные войны совершенно впустую - наш класс шёл на школьную экскурсию.

Передо мной то подпрыгивали, то проваливались, двигаясь нестройными рядами, затылки одноклассников, а рядом вышагивала, то и дело норовя увязнуть в очередном сугробе навсегда, моя лучшая подруга, Леся.

- Ксюха, ты чего серьёзная такая? С Артёмом проблемы? - спросила девчонка, забавно пытаясь убрать налипшие на лицо волосы, а после выругалась из-за того, что вновь промахнулась и угодила в очередной сугроб.

- Нет, - поморщилась от догадки подруги. - Просто никак не могу смириться, что потрачу целых два часа драгоценного времени не на подготовку к экзаменам, а на выслушивание очередной агитации вступить в какую-то секту.

- Не в секту, - обиделась Леся, но только потому, что и сама состояла в подобной. Как говорится: «не сри, где живёшь», - а в студенческий отряд! Большая разница, - она хмыкнула, чуть наклонив голову.

- И в чём же она? - скептически выгнула бровь, поворачиваясь к ней всем корпусом, от чего невольно замедлилась и вызвала недовольство сзади идущих.

- Они не просят денег, - задумчиво проговорила Леся, нарочито по-актёрски потеряв подбородок.

«Зато просят кое-что другое», - пронеслось в мыслях, от чего я приснула.

Наша делегация подошла к длинному одноэтажному зданию, окружённому железным забором. На фасаде была табличка с надписью: «Отечество», а чуть ниже ещё одна: «НРО МООО РСО СПО КОКОС». Появилось ощущение, что кого-то просто буквами на стену вырвало.

Рядом с крыльцом стояла группа людей, немногочисленная, но обращающая на себя внимание: они все были в одинаковых коротких зелёных курточках, надетых поверх тёплых худи. На спине у каждого большими печатными буквами было написано

слово «КОКОС», ниже красовался рисунок сего предмета, а ещё ниже — название города, где вся эта банда вместе с нашим классом и находилась - Дзержинск. А вот дата у всех стояла разная: по большей части молодые люди были помечены 2019 годом, было пару человек из 2022-го, а гостем из самого дальнего прошлого оказался парень, лет двадцати семи на вид, с курткой аж от 2009!

Услышав приближающиеся шаги тридцати с гаком человек (ну, попробуй тут не услышать), он обернулся. Русский, высокий, с острыми чертами лица, парень улыбался, от чего его щёки рябили ямочками, а у глаз образовывались морщинки, больше похожие на лучики. Да и сам весь он был словно солнечный.

Отделившись от группы и раскинув руки в стороны, к нам приближалась одна из девушек, на куртке которой было столько значков и нашивок, что спереди нельзя было понять, что сей предмет вообще зелёного цвета.

- Всем привет! - весело начала девушка, улыбаясь, - Меня зовут Полина, и я командир студенческого педагогического отряда КОКОС, - произнесла, пафосно кивнув головой, - Пройдёмте.

- Ну что, Ксюх, шапочку из фольги надела? - подначивала меня Леська, пихая в бок, - А то вдруг завербуют!

Я отмахнулась и, повинувшись потоку, зашла в «Отечество». Не обращая внимания на болтовню подруги, машинально сдала куртку в гардероб и отошла к стене, выпадая из общего потока людей, норовящих то и дело снести с ног. Когда нас всех отвели на второй этаж и рассадили по местам, в поле видения вновь оказалась Полина, всё так же сохранявшая на губах дежурную улыбку, и подняла высоко вверх руку, привлекая к себе внимание.

- Товарищи, - начала она, продолжая держать конечность над головой, - Перед тем, как начать, я попрошу вас запомнить одно правило, - Полина обвела взглядом зал, - Правило «поднятой руки». Суть его такова — если кто-то поднял вверх правую руку, то все обязаны замолчать и выслушать его.

Я хмыкнула, поднимая брови. Вот это открытие!

- Знаешь, откуда это пошло? - услышала я шёпот, и моё ухо защекотало чьё-то дыхание, от чего я вздрогнула и покрылась мурашками, - Извини, если напугал, - я повернулась и увидела того самого русого парня с ямочками на щеках, которого заметила ещё у входа, - Меня Лёша зовут. А тебя?

- И откуда же? - тихо спросила, задержав на нём взгляд, но всё же отвернувшись обратно. Показалось странным такое рвение поговорить с первой встречной.

Однако Лёша, не особо раздосадованный тем, что не узнал моего имени, радостно улыбнулся и заёрзал на стуле, видимо, устраиваясь поудобнее для рассказа, которым ему очень хотелось со мной поделиться.

- Когда-то давно жили два племени, - начал он тихим и глубоким голосом, практически шепча в ухо и пронзая взглядом мой висок, - Никто уже не помнил причины, по которой они воевали друг с другом, но тайна эта уходила так далеко в историю, что никто и не думал спрашивать об этом, и изо дня в день продолжали гибнуть самые горячие и молодые, самые смелые и здоровые, самые красивые. Племенам грозило вырождение. Некоторым из людей приходило в голову, что нужно остановить это безумие и предложить мир, но в обоих племенах подобные мысли приравнивались к трусости. А трусов они карали жестоко, - он вздохнул, заставив новую волну мурашек бежать по шее, - Простреливали им кисть правой руки. - я сидела, затаившись, и прислушивалась, боясь упустить что-нибудь важное, - И однажды один мудрец вышел вперёд, держа правую руку над головой и сказал: «Люди, вот вам моя правая рука, и если вы сочтете, что я трус, вы можете стрелять, но прежде выслушайте». И он предложил заключить мир и отправился с этим предложением в другое племя, вытянув вперед правую руку. - Наконец, Лёша отстранился и улыбнулся, ударив себя ладонями по ногам, - Вот так был рожден закон правой руки, который гласит: «Люди, я хочу сказать вам что-то важное! Вот вам моя правая рука. И если вы сочтёте моё предложение недостойным— стреляйте!» - он и вправду протянул мне ладонь, будто на самом деле предлагая стрелять в неё, - «Но прежде — выслушайте...».

Его рассказ показался мне несколько странным, от чего парень вновь получил в свою сторону косой взгляд. Тем временем подруга уже второй раз пихнула меня в бок, и я снова обратилась в слух.

- Наш отряд сформирован более десяти лет назад для осуществления начальной педагогической деятельности. А раз мы почти педагоги, то обязаны соответствовать, быть примером: членам отряда запрещено употреблять спиртное, курить, ругаться матом, вести непотребный образ жизни и многое другое, сами понимаете, - продолжила командир, ровно вышагивая от одной стены к другой. Остальные же члены отряда стояли полукругом у задника, и только Лёша сидел в зале с нами.

- А почему ты не там? - шепнула, чуть наклоняясь в его сторону.

- Потому что я старик, - от неожиданности и абсурдности этого заявления я прыснула, подавшись вперёд, а после встретилась со смеющимся взглядом Лёши, - Да это не то, о чём ты подумала, - он закатил глаза, не уменьшая объёма улыбки, - Я не являюсь действующим бойцом отряда, поскольку не участвую в его деятельности уже достаточно долго, - он с грустью вздохнул, поджав губы, но почти сразу же вновь расплылся в улыбке, - Но в своё время я **достаточно** долго отработал, чтобы заслужить статус почётного бойца! - он подбоченился, гордо выставив подбородок вперёд, от чего черты его лица вытянулись, добавляя и без того забавному образу ещё большей комичности.

Неловко улыбнулась, сделав вид, что всё поняла и оценила.

- На базе нашего отряда, - продолжила Полина, - мы проводим школу вожатского мастерства. Собственно, этим профилем и занимаемся. Летом наши бойцы проходят целину практически во всех лагерях области, а также и за её пределами. Так что, девочки, если вы давно хотели попасть на Мальдивы, то это ваш шанс, - она хитро подмигнула кому-то из первого ряда, после чего послышалось многоголосное хихиканье, и по залу прошла волна.

- Целину? - переспросила, обращаясь к Лёше.

- Целина — это лето, наш рабочий период, - бодро заговорил, откидывая назад волосы, - Отряды студенческие, поэтому в учебное время деятельность наша чисто волонтерская: организация и проведение мероприятий, съездов, слётов. Вообще, направлений много — есть строительные, медицинские, и даже отряды проводников. И я уверен, что быть бойцом хоть одного из них, а особенно педагогического, - он многозначительно поиграл бровями, — это лучшее, что только доступно человеку! - с этими словами он прикрыл глаза, становясь спокойным и серьёзным (насколько позволяла его натура).

- И почему же? - я снисходительно усмехнулась.

- Причины три, - быстро произнёс и приготовил пальцы для счёта, будто заранее обдумал ответ на этот вопрос, - Первая — это люди, - он загнул палец, - Отряды — единственное место, где можно подойти к абсолютно незнакомому человеку и в эту же минуту стать самыми близкими друзьями! Вот представь, - он подсел ещё ближе и схватил меня за руку, - Ты приезжаешь на какой-нибудь слёт и тащишь огромную сумку! - он развёл руки в стороны, - И спустя мгновение сумки в руках уже нет, а я рядом с тобой идут пара парней из строительного, и без твоего запроса любезно решившие тебе помочь. Классно?

- Классно, - хмыкнула, наконец поняв, откуда растут ноги у его разговорчивости, - Только вот «самыми близкими друзьями» после этого не становятся.

- Ну вот ещё! - Лёша недовольно фыркнул, - Для тебя это обычное дело - незнакомым просто так помогать?

- Нет, - ровно ответила, - А для твоих парней из строительного?

- Да!

- В этом и суть! - парировала, горько усмехаясь, - Если обычное, то и нет здесь ничего особенного, чтобы друзьями становиться. Им каждый прохожий — такой же друг, как и мы с тобой. А значит они нам и вовсе не друзья, - я пожала плечами, а Лёша рассмеялся.

- А кто ж тогда друг? - он выжидающе уставился на меня, хитро сощурившись, - Тот, кто помогает только тебе? И кто ты тогда? Эгоистка аль нарцисс?

От такого напора я стушеввалась и отвернулась, поджав губы. Никакой я не нарцисс! Да и вообще, разок сумку донести — это ещё ничего не значит!

- Какая вторая причина? - буркнула, не поворачиваясь в его сторону.

- Дети, - Лёша загнул ещё один палец, вновь ободрившись, - Когда видишь, как они радуются...

- Ладно, тут всё и так понятно, - перебила, нетерпеливо взмахнув руками, - Дети — это мощный психологический инструмент, поэтому ничего удивительного, что вам так нравится с ними работать.

- Ну хорошо, товарищ скептик, - Лёша скорчил рожу, от чего я закатила глаза, - Но самое главное, как по мне, это то, что в отряде ты чувствуешь себя частью чего-то большого. Знаешь, вот смотришь на всех этих людей, - он обвёл горящим взглядом зал, - И диву даёшься: они все собрались здесь абсолютно добровольно ради того, чтобы строить что-то важное. Вместе. Плечо к плечу. Чтобы сделать этот мир чуточку лучше. И они все горят этим делом. Удивительно, правда?

Я внимательно смотрела на Лёшу, с жаром произносящего эти слова, и думала. Думала о том, что из всех этих людей он, наверное, единственный, кто действительно «горит этим делом», как сказано им самим. Отвернулась, опустив озадаченный взгляд на руки.

- Не знаю, - тихо ответила, вымучив что-то наподобие улыбки.

В этот момент лекция подошла к концу. Всех попросили встать в большой круг, и когда указание было выполнено, в центр вышел Лёша с заразительной улыбкой, стулом и гитарой на плече.

- Товарищи, мне зовут Лёша Кадикин, - громогласно начал, растягивая рот всё шире, - И по излюбленной мной лагерной традиции я проведу для вас спевку. Попрошу положить правую руку на плечо соседа справа, а левую — на талию соседа слева. Отлично, у нас получился орлятский круг, - он весело хлопнул в ладоши и продол-

жил, - Я сыграю вам несколько отрядных песен, а ваша задача — проникнуться невероятной атмосферой. Поняли? Ну, что ж, - он подкрутил колки у гитары и положил руку на струны, - Первая песня является гимном всех отрядов и называется «Герои нового времени».

Зазвучали первые аккорды, и «кокосовцы» начали петь: кто-то громко, кто-то несколько стеснительно, другие и вовсе со смехом и улюлюканьем добавляли в проигрышах слова, которых явно не было в первоначальном варианте текста, командир не пела вообще, занятая разговором с кем-то позади круга. А вот Лёша... Он пел так, будто в этих песнях заключён смысл всей его жизни. И, надо сказать, в это легко верилось. За этой песней последовали и другие, воспевающие дружбу, труд, стремление изменить мир и множество иных ценностей, но перед последней он вдруг положил гитару на колени.

- Одиннадцать лет назад, когда я, только закончив девятый класс, пришёл в отряд, - начал Лёша, с задумчивой улыбкой обводя взглядом присутствующих, - Мы с ребятами поехали на международный слёт в Москву, где на первой спевке в жизни я и услышал песню, ставшую моей любимой. Её я для вас сейчас и исполню. - он подстроил гитару и медленно выдохнул, - Когда-то именно благодаря ей я принял решение вступить в отряд и, надеюсь, вы примете такое же.

Круг затих в ожидании, и вот прозвучали первые робкие голоса струн, а за ними и тихий, душевный, пробирающий до дрожи, тенор.

- Я маленький мальчик с мечтами о мире,

Вечно счастливый и бесконечно яркий,

В зелёной рубашке валяюсь на крыше,

И мысли о вечном взлетают всё выше!

Он ударил по струнам, зажмурив глаза, и запел с силой в голосе:

Между небом и потолком

Мои мысли, как листья, летают по ветру и им легко!

Между небом и потолком

Нарисую созвездие и дам ему вечное имя — любовь!

Его взгляд обратился в мою сторону, и он пропел первую строчку припева ещё раз, будто именно для меня, затаившей дыхание и смотрящей на того самого «мальчика в зелёной рубашке», наивно верящего в доброту и чудо. Невольно на моём лице появилась улыбка, встреченная Кадикиным со смесью восторга и смущения. Однако, она померкла, стоило мне сфокусировать взгляд за спиной парня: Полина, отойдя к стене с каким-то парнем, громко смеялась, держа в руках зажжённую сигарету.

Увиденное не повергло меня в шок, скорее заставило поморщиться от понимания того, насколько лживы оказались проповеди и призывы «быть примером». Следующая мысль неприятно кольнула где-то на уровне диафрагмы: а может и Лёша, подобно своему командиру, простой лицемер, который, выйдя из этого здания, может быть, посмеётся над всем, что говорил, и пойдёт пить в первый попавшийся бар. Отвернулась, разочарованно выдохнув, и больше не обращала внимания на парня, что ещё минуту назад заставлял меня улыбаться, а теперь не вызывал никаких других чувств, кроме отвращения. После спевки Кадикин куда-то исчез, и нам больше не удалось пересечься, что, может, и к лучшему. Ведь спроси он меня, каково теперь моё мнение об отряде, он бы не услышал ничего утешительного. Когда мы вышли из «Отечества», Леська долго болтала о том, что я была права, и КОКОС — это...

- ... секта! - закончила свою фразу подруга, продолжая активно жестикулировать, - И сколько патетики! «Мы лучший педагогический отряд Дзержинска», - передразнивала командиршу, скривив забавную рожицу, - Надо же! Герои нового времени они! А сами-то вожатыми за деньги работают. Вот вам и волонтёры! В общем, - заключила Леська, яростно сдувая прядь, выбившуюся из-под шапки, - Согласна с тобой, Ксюха, только время зря потратили. А тебе как? - Она уставилась на меня своими огромными и полными негодования глазами, ожидая ответа.

- Бесплезное мероприятие, - дежурно поддержала разговор, не собираясь вступать более в какую бы то ни было полемику. Для меня всё и так было ясно.

Погрузившись в ворох повседневных проблем и забот, я редко вспоминала о новом знакомом, но время от времени невольно в моих мыслях рождались различные теории, очищающие Кадикина от грязи, тонкой плёнкой покрывшей его в моих глазах: я приписывала ему наивность, слепоту и даже обычную глупость, лишь бы не верить в то, что и он мог оказаться гнилым. Но в один момент в ВК в разделе «вам может быть интересно» я случайно наткнулась на запись КОКОСа, где поздравляли с днём рождения первого командира отряда. Увидев фотографию парня со знакомой мне улыбкой, я от удивления даже рассмеялась, но тут же осеклась. Все мои предположения в момент рассыпались и запинались ногой под стол. Он — создатель отряда! И, конечно же, он прекрасно осведомлён о чёрной стороне своего детища, даже больше, он стоит у её истоков! В итоге, наивность пришлось приписать мне, а вопрос с Кадикиным отныне был окончательно закрыт. Однако спустя полгода судьба свела нас снова.

Как-то, остановившись на светофоре, я по привычке начала вертеть головой в разные стороны, выхватывая взглядом случайные элементы, пока не наткнулась на подозрительно знакомую физиономию парня, стоящего в двух метрах от меня: высокий рост, русые волосы, острые черты лица. Кадикина я узнала почти сразу, но мне потребовалось несколько долгих секунд, чтобы понять, что в нём меня так смущает. И к собственному удивлению я заметила, что его глаза, обычно весело прищуренные, теперь были просто чуть прикрыты, выражая безразличие ко всему, а щёки больше не покрывались ямочками от улыбки, поскольку никакой улыбки на его лице не было и вовсе. Я подошла к нему не столько из желания продолжить знакомство, сколько из любопытства. По несколько ободрившемуся взгляду парня было понятно, что он меня узнал, однако выражение его лица не изменилось, лишь чуть подёрнулся угол губ в намёке на лёгкую улыбку. Желая уличить его в обмане, я нарочно расспрашивала про отряд и, в числе прочего, про то, почему он не сказал, что был его создателем? Однако ответ стал для меня неожиданностью.

- Сначала не хотел, чтобы заслуги отряда приписывали лишь одному человеку, - тихо проговорил, вдруг задумчиво и грустно взглянув вперёд, - Мы все делали общее дело, а значит и не могло быть более или менее важных людей. А сейчас, - он

вдруг надолго замолчал, будто потерявшись в пространстве собственных мыслей, - Знаешь, оказалось, что Полину мало волновала «высокая цель», - он едко усмехнулся, вдруг ободрившись, - Она гналась за званиями и наградами и плевать хотела на всё остальное. А ведь когда я только назначил её командиром, мне казалось, что я нашёл достойного преемника, - Лёша передёрнул плечами, - Но она превратила отряд в сборище орущих пьяниц, - его взгляд стал жёстким, а жевалки напряжённо заходили, - И когда я понял это и попытался вразумить их, меня уже никто не слушал: бойцы просто молча вышли из комнаты и продолжили обсуждение очередной грядущей попойки за «честь отряда», - он презрительно сморщился, - И тогда я ушёл. - тяжело, но решительно вздохнул, опуская взгляд, - Даже не знаю, в ком разочаровался больше: в них, опорочивших моё дело, или во мне, не сумевшем вложить и удержать в них что-то святое. И как я за столько времени не заметил, насколько всё прогнило! - он истерически захохотал, и к его глазам подкатили слёзы, - Видимо я был единственным, кому действительно просто хотелось помогать детям. Глупо, правда? - он повернулся ко мне, и грустные глаза его выдавали вопрос, - Я и правда глупец, - из его рта вырвался разочарованный вздох, - Считаю, что мои глупые песни чего-то стоят не только для меня, - он засунул руки в карманы джинсовки, - Ладно, бывай, удачи тебе, - бросил на прощание и перешёл дорогу, оставив меня одну.

Я стояла на переходе и смотрела вслед, наверное, последнему «мальчику в зелёной рубашке», который верил во что-то «большое». Нет, не так. Он один был этим «большим». Такой вот «герой нового времени».

Его никто не понял. Посчитали дураком. Даже я (и от этого стало тошно).

В этот момент в голове крутилось множество самых разных мыслей, но, видимо они были слишком сложны для меня, поскольку глядя на удаляющуюся фигуру, я смогла произнести только какую-то глупость:

- А ведь ему так шли эти ямочки на щеках...